

УДК 332.1

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ESG-СТРАТЕГИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ ПРЕДПРИЯТИЙ РФ И СТРАН БРИКС

Ж.В. Смирнова, Е.Н. Назарова, Н.А. Горев

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»,
Нижний Новгород, email: z.v.smirnova@mininuniver.ru, aniutka.nazarowa@yandex.ru, gorevna@std.mininuniver.ru

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ подходов к интеграции цифровой трансформации и ESG-стратегий на предприятиях Российской Федерации и государств-членов БРИКС (Бразилии, Индии, Китая, Южной Африки). Актуальность исследования обусловлена кардинальной трансформацией ESG-повестки в глобальной экономике, когда принципы устойчивого развития перестают быть добровольной инициативой и превращаются в обязательный регуляторный каркас, при этом цифровые технологии выступают ключевым драйвером этих изменений. Эмпирическую базу составили данные рейтинговых агентств RAEX, АКРА, НКР, Эксперт РА, статистика Банка России и Евразийской экономической комиссии, а также результаты исследований российских ученых, опубликованные в 2024–2026 годах. Выявлены существенные различия в регуляторных подходах и степени зрелости ESG-практик: Китай завершил формирование обязательной национальной нормативной базы ESG, Индия внедряет обязательную отчетность BRSR Core с 2026 года, Бразилия переходит от добровольного к обязательному раскрытию, тогда как Россия сохраняет добровольный характер отчетности для большинства компаний, формируя прагматичный стандарт операционной эффективности. Показано, что российский рынок устойчивых финансов демонстрирует уверенный рост: объем портфеля ESG-кредитов за период с июля 2024 по июль 2025 года вырос в 1,5 раза до 8 трлн рублей, выпуск ESG-облигаций увеличился втрое до 157,85 млрд рублей. Обосновывается вывод, что дальнейшее повышение эффективности ESG-трансформации требует гармонизации национальных стандартов на пространстве БРИКС, внедрения централизованных цифровых платформ для сбора и верификации данных, а также интеграции принципов устойчивости в корпоративные стратегии цифрового развития.

Ключевые слова: ESG-трансформация, цифровая трансформация, устойчивое развитие, корпоративная социальная ответственность, страны БРИКС, зеленые финансы, цифровая экономика.

DIGITAL TRANSFORMATION AND ESG STRATEGIES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND BRICS ENTERPRISES' APPROACHES

Zh.V. Smirnova, E.N. Nazarova, N.A. Gorev

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, email: z.v.smirnova@mininuniver.ru, aniutka.nazarowa@yandex.ru, gorevna@std.mininuniver.ru

Abstract. The article presents a comparative analysis of approaches to the integration of digital transformation and ESG strategies at enterprises of the Russian Federation and BRICS member states (Brazil, India, China, South Africa). The relevance of the study is determined by the radical transformation of the ESG agenda in the global economy, where sustainability principles are ceasing to be a voluntary initiative and are turning into a mandatory regulatory framework, with digital technologies acting as a key driver of these changes. The empirical basis includes data from rating agencies RAEX, AKRA, NKR, Expert RA, statistics from the Bank of Russia and the Eurasian Economic Commission, as well as the results of studies by Russian scientists published in 2024–2026. Significant differences in regulatory approaches and the maturity of ESG practices are revealed: China has completed the formation of a mandatory national ESG regulatory framework, India is introducing mandatory BRSR Core reporting from 2026, Brazil is transitioning from voluntary to mandatory disclosure, while Russia maintains the voluntary nature of reporting for most companies, forming a pragmatic standard of operational efficiency. It is shown that the Russian sustainable finance market demonstrates steady growth: the volume of the ESG loan portfolio from July 2024 to July 2025 increased 1.5 times to 8 trillion rubles, and the issue of ESG bonds tripled to 157.85 billion rubles. The conclusion is substantiated that further increasing the efficiency of ESG transformation requires harmonization of national standards within the BRICS space, the introduction of centralized digital platforms for data collection and verification, and the integration of sustainability principles into corporate digital development strategies.

Keywords: *ESG transformation, digital transformation, sustainable development, corporate social responsibility, BRICS countries, green finance, digital economy.*

Дата поступления статьи в редакцию: 10.05.2026

Дата принятия статьи в печать: 08.07.2026

Введение

Современная система корпоративного управления и стратегического планирования претерпевает фундаментальные изменения под влиянием двух взаимосвязанных глобальных трендов. Первый из них — это переход к модели устойчивого развития, в рамках которой экологические (Environmental), социальные (Social) и управленческие (Governance) факторы рассматриваются не как второстепенные, а как ключевые параметры, определяющие долгосрочную конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность предприятий. Второй тренд — цифровая трансформация экономики, когда внедрение искусственного интеллекта, технологий больших данных, распределенных реестров и машиночитаемой отчетности кардинально меняет способы сбора, обработки и анализа информации о деятельности компаний. Принципиально важным является то, что эти два процесса не просто происходят параллельно, но и глубоко взаимопроницают друг в друга: цифровые технологии становятся тем инструментом, который позволяет измерить, контролировать и управлять ESG-показателями на качественно новом уровне.

В российской науке проблематика ESG получила значительное развитие в работах, посвященных корпоративной социальной ответственности и устойчивому развитию. Однако, как отмечают исследователи, в условиях санкционного давления и деглобализации происходит трансформация подходов к принципам КСО и ESG в российском контексте, что требует переосмысления теоретических моделей, разработанных в более благоприятных внешнеэкономических условиях [4]. На сегодняшний день можно констатировать, что ESG-повестка перестала быть маркетинговым инструментом и переживает этап «прагматичной трансформации»: в Европе она превратилась в жесткий фискальный и регуляторный каркас, а в России — в прагматичный стандарт операционной эффективности. В странах БРИКС, совокупный экономический потенциал которых продолжает нарастать, формируются собственные модели ESG-трансформации, учитывающие национальные приоритеты, культурные особенности и уровень технологического развития.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как цифровая трансформация и ESG-трансформация соотносятся друг с другом. Эмпирические исследования, проведенные на базе Высшей школы экономики, убедительно демонстрируют, что цифровая трансформация выступает основой для ESG-трансформации компаний. Эта взаимосвязь не является односторонней: цифровые технологии позволяют автоматизировать сбор и анализ ESG-данных, что снижает транзакционные издержки и повышает прозрачность, а высокие ESG-стандарты, в свою очередь, стимулируют внедрение более эффективных и экологичных цифровых решений. При этом в каждой из стран БРИКС эта взаимосвязь приобретает свои особенности, определяемые национальным законодательством, структурой экономики и приоритетами государственной политики [5].

В Китае, где к 2026 году ESG-отчетность и углеродные требования стали обязательными, была расширена Национальная система торговли квотами на выбросы (ETS) на металлургию, цементную и алюминиевую промышленность, включив в нее около 1,5 тысяч предприятий и доведя охват до 60% совокупных выбросов страны. В 2025 году китайские регуляторы завершили формирование национальной нормативной базы ESG и запустили переход к непрерывному цифровому надзору с усилением ответственности за фальсификацию данных. Ожидаемая 15-я пятилетка Китая (2026–2030 гг.) ориентирована на углубление и масштабирование успехов предыдущего периода с усилением зеленой экономики и цифровых технологий.

В Индии с 2026 финансового года вступают в силу обязательные раскрытия по стандарту BRSR Core, что стимулирует развитие AI-платформ для ESG-отчетности и снижения выбросов. Индийские предприятия готовятся к интеграции плановых подходов, объединяющих финансовые показатели и ESG-цели, одновременно с этим растет интерес к использованию искусственного интеллекта для автоматизации сбора данных, валидации, расчета парниковых газов и генерации отчетов, что позволяет сократить время на подготовку к аудиту и уменьшить человеческие ошибки.

В Бразилии соблюдение стандартов устойчивого развития было добровольным, а с 2026 года становится обязательным. Рынок декарбонизации Бразилии, оцененный примерно в 43,1 млрд долларов США в 2024 году, по прогнозам достигнет 76,8 млрд долларов к 2030 году, что отражает среднегодовой темп роста около 10,1% в период с 2025 по 2030 год. Южная Африка продолжает внедрять налог на углерод и стратегию «зеленого» транспорта, отслеживая выполнение своих целей в рамках Национально определённого вклада (NDC), с прогнозируемыми выбросами парниковых газов в 2025 году в пределах 398–510 млн тонн углеродного эквивалента.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления того, как российская модель ESG-трансформации соотносится с подходами, реализуемыми в других странах БРИКС, и какую роль в этом процессе играет цифровая трансформация. В условиях, когда Россия переориентирует свои внешнеэкономические связи на рынки Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки, понимание особенностей ESG-регулирования в этих странах становится критически важным для сохранения конкурентоспособности российских экспортеров и привлечения инвестиций. Новизна данной работы заключается в комплексном сравнительном анализе подходов к ESG-трансформации на пространстве БРИКС с акцентом на институциональные факторы и роль цифровых технологий.

Цель исследования

Целью исследования стало выявление ключевых различий и сходств в подходах к ESG-трансформации предприятий в России и странах БРИКС, а также оценка того, как цифровая трансформация влияет на эффективность реализации ESG-стратегий. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: проанализировать регуляторные подходы к ESG-отчетности в странах БРИКС; выявить роль цифровых технологий в ESG-трансформации; оценить динамику рынка устойчивых финансов в России и сопоставить ее с показателями других стран БРИКС; определить основные барьеры и перспективы гармонизации подходов.

Материал и методы исследования

В основу работы положен метод сравнительного качественного и количественного анализа, позволяющий сопоставить регуляторные подходы, корпоративные практики и статистические показатели в области ESG-трансформации в Российской Федерации и государствах-членах БРИКС. Эмпирическую базу исследования составили несколько групп источников. Первая группа включает нормативные и программные документы: данные Банка России о введении XBRL-таксономии для раскрытия ESG-показателей эмитентами, информацию о национальных ESG-стандартах Китая, Индии, Бразилии и Южной Африки, а также материалы Евразийской экономической комиссии [1, 3]. Вторая группа источников — данные рейтинговых агентств: RAEX, АК&М, НРА, Эксперт РА, АКРА, НКР, а также результаты ESG-индекса РБК/НКР. Третья группа включает результаты научных исследований, опубликованных в ведущих российских журналах и изданиях в 2024–2026 годах.

Результаты исследования

Проведенный анализ позволяет сформировать детализированную картину того, как ESG-трансформация в России соотносится с подходами, реализуемыми в других странах БРИКС, а также какую роль в этом процессе играет цифровая трансформация. Наиболее существенные различия проявляются по нескольким ключевым измерениям: характер регуляторного воздействия, механизмы финансирования ESG-проектов, методы сбора и анализа данных, а также степень интеграции ESG-принципов в корпоративные стратегии цифрового развития.

Если говорить о регуляторных подходах, то здесь наблюдается значительная вариативность между странами БРИКС при общем тренде на ужесточение требований к раскрытию нефинансовой информации. В Китае процесс формирования национальной нормативной базы ESG достиг наиболее высокого уровня институциональной зрелости. В декабре 2024 года Министерство финансов Китая совместно с девятью другими ведомствами выпустило базовые стандарты раскрытия информации об устойчивом развитии корпораций, которые устанавливают общие рамки корпоративной отчетности, во многом опираясь на структуру Международного совета по стандартам устойчивого развития (ISSB). В сентябре 2025 года вышло руководство по применению этих стандартов с конкретными требованиями к границам отчетности, подготовке данных

и внутреннему контролю, а 25 декабря 2025 года был опубликован Стандарт раскрытия информации №1 «Климат» (пробная версия), охватывающий управление, стратегию, риски и возможности, метрики и цели. Параллельно биржи Шанхая, Шэньчжэня и Пекина ввели в действие обязательные требования к отчетности по устойчивому развитию. 2025 год стал первым реальным отчетным периодом — около 1500 крупнейших китайских компаний готовят отчеты к дедлайну 30 апреля 2026 года. Ключевыми задачами для компаний стали выстраивание систем сбора данных, определение ролей на уровне совета директоров и обеспечение аудиторской готовности. По состоянию на июнь 2025 года, 1869 китайских публичных компаний опубликовали отчеты об устойчивом развитии, что повысило общий уровень раскрытия до 34,7% — примерно на 10 процентных пунктов выше, чем двумя годами ранее. В оценочных показателях Shenzhen Stock Exchange более 40% (1164 компании) на добровольной основе публиковали годовые отчеты об устойчивом развитии. Одновременно Китай продолжает расширять национальную систему торговли выбросами (ETS). 21 марта 2025 года Министерство экологии и окружающей среды опубликовало план расширения ETS на сталелитейную, цементную и алюминиевую отрасли. В систему вошли около 1500 предприятий, охват достиг примерно 60% совокупных выбросов страны. В августе 2025 года ЦК Коммунистической партии Китая и Госсовет выпустили документ о развитии углеродного рынка, предписывающий дальнейшее расширение ETS с подготовительной работой уже по химической, нефтехимической и другим отраслям.

В Индии формируется гибридный регуляторный режим, сочетающий элементы корпоративного законодательства, регулирования рынка ценных бумаг, судебной практики и рыночных механизмов. Вместо единого статута об ESG, Индия разрабатывает комбинированную систему, в рамках которой Закон о компаниях постепенно вытеснил вопросы устойчивого развития из периферии в центр корпоративного управления — через обязательные расходы на корпоративную социальную ответственность, расширенные обязанности директоров в отношении заинтересованных сторон, требования по раскрытию энергетической и экологической информации, а также обязательства по наличию женщин в советах директоров. Со стороны надзора ключевую роль играет Совет по ценным бумагам и биржам Индии (SEBI), который последовательно ужесточал требования: от ранних отчетов о корпоративной ответственности до сегодняшних отчетов об устойчивом развитии (BRSR) и более насыщенного данными BRSR Core. BRSR Core представляет собой подмножество BRSR, содержащее набор ключевых показателей эффективности (KPI) по девяти ESG-атрибутам, которые считаются необходимыми для принятия решений инвесторами и для межкорпоративного сравнения. На фоне этого растет массив судебных прецедентов и климатических исков, где суды рассматривают экологические и социальные обязательства как часть фидуциарной ответственности, а не как опционные дополнения. Эта комбинация законов, нормативных актов и судебного давления постепенно превращает ESG в Индии из имиджевого упражнения в норму корпоративного управления. С точки зрения цифровой отчетности направление движения очевидно: даже при том, что индийские массивы данных находятся впереди многих стран, растущие объемы количественных ESG-данных, усиление требований к верификации и сближение с международными стандартами потребуют последовательных машиночитаемых раскрытий, где надежные таксономии и отчетность на основе XBRL помогут сделать индийскую ESG-информацию еще более легкой для анализа и сравнения.

В Бразилии переход от добровольного к обязательному раскрытию информации об устойчивом развитии происходит наиболее динамично в Латинской Америке. Резолюция CVM № 193 ввела добровольное применение стандартов IFRS S1 и S2 с 2024 года, а с 1 января 2026 года эти требования стали обязательными для публичных компаний и определенных регулируемых организаций. Требования к верификации внедряются поэтапно: ограниченная уверенность для отчетности, охватывающей финансовый год 2025, и разумная уверенность для отчетности за 2026 финансовый год. Уровень принятия глобальных стандартов в Бразилии стремительно растет: с 2022 по 2025 год доля компаний, использующих SASB, выросла с 69% до 91%. Параллельно 25 августа 2025 года Межведомственный комитет Бразильской устойчивой таксономии (CITSB) утвердил финальные технические отчеты Бразильской устойчивой таксономии (TSB), которая устанавливает критерии для классификации экономической деятельности по их вкладу в климатические, экологические и социальные цели. Первое издание TSB охватывает восемь экономических секторов, включая сельское хозяйство, добывающую и обрабатывающую промышленность, электроэнергетику и газ, водоснабжение и канализацию, строительство, транс-

порт и социальные услуги. Ожидается, что критерии TSB будут использоваться не только для направления инвестиций и формулирования государственной политики, но и надзорными органами и прокуратурой в качестве интерпретационных параметров. Кроме того, Бразилия приняла закон об углеродном кредите (поворотный этап регулирования) и готовится к созданию национальной системы торговли выбросами (SBCE).

В Южно-Африканской Республике ключевым инструментом ESG-регулирования остается налог на выбросы углерода. Первая фаза углеродного налога завершилась 31 декабря 2025 года, и с 1 января 2026 года началась вторая фаза, сопровождаемая повышением ставки налога с 236 до 308 рандов за тонну эквивалента углекислого газа. Ключевые льготы, включая базовый необлагаемый минимум и порог подверженности торговле, сохраняются до 2030 года, при этом надбавка на углеродные офсеты увеличена на 5%. Эти меры являются частью долгосрочной траектории углеродного ценообразования в рамках экологического налогового законодательства ЮАР. Одновременно правительство проводит комплексный пересмотр всех корпоративных налоговых льгот с целью дальнейшего расширения базы корпоративного подоходного налога и избежания сложных налоговых стимулов, которые ослабляют прогрессивность системы и создают административные трудности. В части «зеленого» транспорта Закон о поправках к налоговому законодательству 2024 года предусматривает вычет в размере 150% стоимости для производителей автотранспортных средств в отношении квалифицированных активов, введенных в эксплуатацию с 1 марта 2026 года по 1 марта 2036 года, на производство полностью электрических и водородных автомобилей.

Российская практика в этом контексте демонстрирует иную траекторию. Российский Центральный банк совместно с Министерством экономического развития с 2025 года приступил к определению единых показателей ESG-отчетности для компаний. Директор департамента корпоративных отношений ЦБР Екатерина Абашеева, выступая на форуме по устойчивому развитию газеты «Ведомости», подчеркнула ключевую проблему неформализованной ESG-отчетности: компании имеют естественный интерес «подсвечивать только красивое и не так сильно подсвечивать какие-то, может быть, негативные аспекты». Поэтому «движение в сторону единой отчетности» становится приоритетом регуляторной политики. С 2025 года введено требование о том, что на Московской бирже компании первого и второго уровня листинга должны раскрывать ESG-отчетность, однако отсутствие единых «легал», по словам Абашеевой, существенно снижает ценность такой отчетности по сравнению со стандартизированной. ЦБР провел опрос среди компаний, разделив потенциальные показатели отчетности на несколько групп: климатические показатели, социальные аспекты (текучесть кадров и др.), а также показатели в части корпоративного управления, где соблюдение или несоблюдение компаниями требований корпоративного законодательства вызвало наибольшие дискуссии. В текущем году, ориентировочно в третьем квартале, проект нормативного акта о стандартизированной отчетности будет опубликован, и раскрытие информации планируется, начиная с итогов 2025 года. Важно также, что ЦБР предложил переход к корпоративной отчетности в «машиночитаемом формате» — XBRL-таксономии. В октябре 2025 года Банк России опубликовал XBRL-таксономию версии 7.5.1.0 для раскрытия информации об устойчивом развитии эмитентами, включенными в котировальные списки первого и второго уровней. Применение таксономии является добровольным с 2026 года (начиная с подготовки отчета за 2025 год) и обязательным с 2027 года. Эта инфраструктура для машиночитаемой ESG-отчетности кардинально повышает сопоставимость, достоверность и проверяемость данных, создавая основу для объективного межстранового и межкорпоративного сравнения практик устойчивого развития.

Эмпирические исследования, проведенные на базе НИУ ВШЭ, предоставляют убедительные количественные доказательства взаимосвязи между цифровой трансформацией и ESG-показателями в странах БРИКС. В работе, выполненной по выборке из компаний, котирующихся в странах БРИКС, оценка для цифровой трансформации составляет 76,086 и является статистически значимой на уровне 1%, что подтверждает очень сильную положительную связь между цифровой трансформацией и ESG-оценками. Существует также значимая и положительная связь между цифровой инфраструктурой и результативностью по ESG ($\beta = 0,427$, $p < 0,01$), что указывает на то, что более продвинутые цифровые инструменты позволяют компаниям добиваться лучших результатов в области устойчивого развития. При этом нормы и правила также положительно связаны с ESG-показателями ($\beta = 0,462$, $p < 0,05$), что означает,

что более строгие правила могут стимулировать компании к улучшению уровня ESG, особенно когда соблюдение обеспечивается через цифровую отчетность и мониторинг.

Цифровизация особенно заметно влияет на управление ESG-рисками. Исследование показывает, что компании с более развитыми цифровыми возможностями лучше идентифицируют и управляют ESG-рисками, что ведет к улучшению общей ESG-результативности (коэффициент ЦТ для управления рисками составляет 1,58). Результаты также демонстрируют сильную положительную корреляцию между финансовыми показателями и ESG-результативностью: коэффициент ESG в размере 0,002 при статистически значимом р-значении 0,001 подтверждает, что более высокие ESG-оценки способствуют улучшению финансовых показателей. Теория заинтересованных сторон получает здесь эмпирическое подтверждение: улучшение ESG-показателей способствует укреплению доверия, улучшению репутации и повышению привлекательности для инвесторов [5].

На страновом уровне страны БРИКС в рамках итогового документа XVII саммита БРИКС — Декларации Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления» — предложили включить тему «цифровизация и технологии» в систему отчетности об устойчивом развитии в качестве обязательной с учетом специфики каждой страны и в соответствии с общими международными стандартами. Это принципиально важное решение признает, что будущее ESG неразрывно связано с цифровизацией и что без создания общих цифровых платформ, единых форматов данных и сопоставимых массивов информации разговор об устойчивом развитии на наднациональном уровне теряет смысл.

Высокая значимость цифровой трансформации подтверждается также сравнительным анализом цифровизации стран БРИКС. Итоги рейтинговой диагностики показывают, что Китай и Объединенные Арабские Эмираты лидируют во всех четырех проанализированных рейтингах (Индекс сетевой готовности, Глобальный индекс инноваций, Индекс развития электронного правительства, Глобальный индекс цифровизации). При этом в исследовании, опубликованном в журнале «Экономика. Информатика», отмечено, что нормативно-правовая часть процессов развития цифровизации в странах БРИКС характеризуется различиями в законодательстве, но среди общих трендов можно выделить законы о данных и кибербезопасности, которые принимают почти все члены объединения [1].

Важным индикатором зрелости ESG-трансформации в России является динамика рынка устойчивых финансов. По оценкам рейтингового агентства «Эксперт РА», за период с июля 2024 года по июль 2025 года объем портфеля ESG-кредитов в российских банках вырос в 1,5 раза и достиг 8 трлн рублей. Это серьезный показатель, свидетельствующий не просто о декоративном интересе к ESG, а о реальном перетоке капитала в проекты, соответствующие принципам устойчивого развития. При этом, как показывают данные, в структуре продуктов произошла смена лидера: зеленое финансирование опередило кредиты с привязкой к ESG-ковенантам. Аналогичная картина наблюдается и на рынке ESG-облигаций. В 2025 году семь российских эмитентов осуществили десять выпусков облигаций в формате устойчивого развития суммарным объемом 157,85 млрд рублей, что в три раза больше, чем в 2024 году (52,8 млрд рублей), на 10% больше, чем в 2023 году (142,84 млрд рублей), и в 1,5 раза больше, чем в 2022 году (106,18 млрд рублей). Однако, как отмечают аналитики, объем размещений по итогам 2025 года оценивается примерно в 74 млрд рублей по зеленым облигациям, что на 40% выше результата 2024 года, но почти втрое меньше пика 2021 года, что отражает осторожное восстановление рынка после геополитических шоков. Зеленые облигации сохраняют доминирующее положение, составляя 60% объема в обращении, в то время как социальные занимают около 29%.

Одновременно с ростом рынка устойчивого финансирования наблюдается качественная трансформация подходов российского бизнеса к ESG-повестке. В четвертом ESG-индексе РБК/НКТ, опубликованном в 2025 году, зафиксировано сокращение пула участников: если в 2024 году в индексе было более 100 нефинансовых компаний, то в 2025 году — 65, а финансовых институтов — 12 вместо прежних 20. Аналитики подчеркивают, что это не признак спада интереса к ESG, а отражение качественной трансформации подходов, когда компании переходят от участия в рейтингах к реальной интеграции ESG в свою операционную деятельность. Лидеры ESG-рэнкинга остаются прежними: «Норильский никель» (первое место), «ФосАгро» (второе) и Сбербанк (третье). В отраслевом разрезе RAEX представило ESG-рейтинг российских химических компаний, в десятку лучших вошли СИБУР Холдинг, «Пигмент» (КРТА), «Акрон»,

«Каустик» (Волгоград), «Тольяттиазот», «КуйбышевАзот» и «Нижекамскшина». Группа «Уралхим» (включая «Уралкалий», «Уралхим» и «Тольяттиазот») вошла в топ-10 лучших компаний в ESG-ренкинге российских химических предприятий, заняв 2-ю, 3-ю и 8-ю позиции соответственно. «Норникель» занял первое место в ESG-рэнкинге российских компаний за 2025 год, составленном агентством RAEX, который оценивает, насколько эффективно компания решает экологические и социальные вопросы в регионах своего присутствия [5].

Параллельно с частными рейтингами развиваются и государственные механизмы оценки. В России внедряется ЭКГ-рейтинг — русифицированный ESG-индекс, представляющий собой конкретную балльную оценку, а не абстрактную «репутацию». Цель создания такой системы — формирование прозрачной системы оценки вклада бизнеса в устойчивое развитие России с последующей интеграцией этих оценок в меры государственной поддержки. Это важный шаг в институционализации ESG-повестки на национальном уровне.

На отраслевом уровне особого внимания заслуживает опыт российской химической промышленности, где в 2025 году был проведен детальный ESG-рэнкинг [7]. Лидеры отрасли — СИБУР Холдинг, АО «Пигмент» (под брендом КРАТА), ПАО «Акрон», АО «Каустик» (Волгоград), ПАО «Тольяттиазот», ПАО «КуйбышевАзот» и ПАО «Нижекамскшина» продемонстрировали комплексный подход к управлению ESG-рисками, включающий не только соблюдение экологических норм, но и развитие систем корпоративного управления, взаимодействие с местными сообществами и внедрение принципов устойчивого развития в стратегию. Интересно, что в исследовании, опубликованном в журнале «Вестник Мининского университета» в 2025 году, рассматриваются теоретические и прикладные аспекты экологической ответственности и устойчивого развития в контексте цифровой трансформации региональных образовательных систем, что свидетельствует о междисциплинарном характере ESG-проблематики и распространении принципов устойчивости за пределы корпоративного сектора [6].

В транспортной и логистической отраслях ESG-повестка приобретает специфические черты, связанные с необходимостью снижения выбросов парниковых газов и внедрения альтернативных источников энергии. Как отмечается в исследовании, посвященном влиянию санкционных ограничений 2022–2026 годов на приграничные российские регионы, страны БРИКС активно обсуждают вопросы климатической повестки и роль углеводородов в удовлетворении растущего мирового спроса на энергию и в обеспечении энергетической безопасности. В этих условиях цифровые технологии — от систем автоматического учета выбросов до логистических алгоритмов оптимизации маршрутов — становятся критически важным инструментом для российских предприятий, стремящихся сохранить конкурентоспособность на фоне меняющейся системы международного сотрудничества.

Особого внимания заслуживает вопрос интеграции ESG-фактора в стратегии пространственного развития регионов. Как показано в исследовании, опубликованном в журнале «Вопросы экономики» в 2025 году, разрыв в качестве жизни и экономическом развитии между различными группами российских регионов огромен, и учет ESG-факторов на уровне регионального стратегического планирования становится необходимым условием сокращения этого разрыва. В работе сотрудников Белгородского государственного университета, посвященной цифровизации стран БРИКС, отмечается, что процесс достижения таких целей устойчивого развития, как ЦУР-9 (создание стойкой инфраструктуры, содействие устойчивой индустриализации и инновациям) и ЦУР-11 (обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов), требует активного внедрения «умных» и «зеленых» технологий. При этом страны-лидеры в инновационном и инфраструктурном развитии — Китай, Индия, Саудовская Аравия — демонстрируют, что цифровизация и устойчивое развитие не противоречат друг другу, а взаимно усиливаются при условии грамотной институциональной поддержки [7].

Несмотря на достигнутый прогресс, российские предприятия сталкиваются с рядом серьезных вызовов на пути ESG-трансформации. В исследовании, выполненном сотрудниками Сибирского федерального университета и опубликованном в журнале «Вопросы экономики», рассматриваются предпосылки перехода к ESG-ориентированному управлению, влияние регуляторной среды, вызовы и барьеры внедрения ESG-принципов в российских реалиях. К числу основных барьеров относятся: недостаток качественных данных для оценки ESG-показателей на всех уровнях цепочки создания стоимости; неопределенность регуляторной среды в условиях

изменяющейся геополитической конъюнктуры; ограниченный доступ к международным ESG-рейтингам и методологиям в условиях санкционного давления; необходимость синхронизации ESG-стандартов с национальными приоритетами в области импортозамещения и технологического суверенитета; а также разрыв в цифровой зрелости между различными отраслями и регионами.

Проблема фрагментарности данных особенно остро стоит в контексте управления цепочками поставок. Многие российские компании не располагают достоверной информацией о ESG-характеристиках своих контрагентов, особенно если речь идет о трансграничных цепочках поставок [2]. Решение этой проблемы видится в создании единого цифрового контура ESG-данных с использованием методов искусственного интеллекта для автоматизированного сбора, валидации и анализа нефинансовой информации. Исследование НИУ ВШЭ по заказу Росприроднадзора успешно продемонстрировало способность современных языковых моделей решать такие задачи, как консультирование по экологическому праву и подготовка отчетности. Применение искусственного интеллекта для ESG-трансформации позволяет не только автоматизировать сбор данных, но и выявлять скрытые корреляции между ESG-показателями и операционной эффективностью, что создает основу для принятия более обоснованных стратегических решений [5].

На институциональном уровне важным направлением является развитие механизмов программно-целевого финансирования ESG-проектов. ЦБР анонсировал выделение средств для стимулирования через кредиты и облигации финансирования проектов ESG. В частности, из Минэкономразвития в Банк России поступил перечень приоритетных проектов, для которых будет предусмотрено риск-стимулирующее воздействие. При этом важно, что регулятор рассматривает на утверждение такого перечня на уровне правительства в ближайшее время. Этот механизм позволяет перераспределять ресурсы в пользу наиболее эффективных проектов, не привязывая их жестко к отраслевым или региональным границам [3].

На наднациональном уровне в рамках БРИКС наблюдается активизация работы по гармонизации ESG-стандартов. Центральные банки стран БРИКС провели мониторинг стандартов раскрытия информации по ESG и предложили обязательное включение темы «цифровизация и технологии» в отчетность об устойчивом развитии. ЦБР подготовил и опубликовал доклад о подходах к ESG-отчетности совместно с коллегами из стран БРИКС [4]. Это сотрудничество создает институциональную основу для взаимного признания «зеленых» инструментов и может в перспективе привести к созданию единой наднациональной платформы для обмена данными и лучшими практиками.

На региональном уровне, как показано в исследовании, обобщающем итоги IX Международной научно-практической конференции «Новые траектории международного сотрудничества» в Балтийском федеральном университете имени И. Канта, необходима интеграция ESG-фактора в стратегии пространственного развития муниципалитетов и приграничных регионов. Данные о влиянии качества окружающей среды и социальных условий на миграционные потоки убедительно свидетельствуют, что «социальное лицензирование» бизнеса (социальное одобрение деятельности компаний местными сообществами) должно стать обязательным пунктом как для корпоративных стратегий, так и для программ социально-экономического развития территорий [3].

Наконец, важным направлением преодоления барьеров является дифференциация фискальных и тарифных мер по принципу «материальности», то есть с учетом реального вклада проектов в достижение целей устойчивого развития. Данные о текущей концентрации рынка «устойчивого финансирования» позволяют обосновать введение понижающих тарифов страховых взносов и налога на имущество для высокотехнологичных стартапов в области ресурсосбережения, замкнутых циклов водопотребления и возобновляемой энергетики. Опыт Бразилии с созданием национальной устойчивой таксономии и ЮАР с налоговыми стимулами для производства электромобилей показывает, что такие меры могут быть эффективны при условии их системного характера и привязки к конкретным, проверяемым показателям.

Проведенный сравнительный анализ подходов к цифровой трансформации ESG-стратегий в России и странах БРИКС позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, исследование подтверждает, что в странах БРИКС сформировались различные институциональные модели ESG-трансформации, однако общим трендом является переход от добровольных инициатив к обязательным требованиям. Китай к 2026 году завершил

формирование обязательной национальной нормативной базы ESG и распространил систему торговли выбросами на 60% национальных эмиссий. Индия внедрила BRSR Core с охватом топ-500 публичных компаний в 2025–2026 финансовом году с дальнейшим расширением до топ-1000. Бразилия с 1 января 2026 года сделала обязательной отчетность по стандартам IFRS S1 и S2, параллельно разрабатывая национальную устойчивую таксономию и готовясь к запуску системы торговли выбросами. ЮАР сохраняет акцент на налоговом механизме, повысив с 2026 года ставку углеродного налога до 308 рандов за тонну CO₂-эквивалента и запустив вторую фазу системы углеродного ценообразования. Россия, в свою очередь, сохраняет добровольный характер ESG-отчетности для большинства компаний, но постепенно движется к институционализации через внедрение XBRL-таксономии Банка России, разработку единых ключевых показателей совместно с Минэкономразвития и создание ЭКГ-рейтинга как инструмента государственной поддержки бизнеса.

Во-вторых, цифровая трансформация выступает ключевым драйвером ESG-изменений во всех странах БРИКС. Количественные оценки, полученные в исследовании НИУ ВШЭ, показывают, что связь между цифровой трансформацией и ESG-оценками является очень сильной и положительной (коэффициент 76,086, статистически значим на уровне 1%). Внедрение систем автоматического сбора данных, XBRL-таксономий, платформ на основе искусственного интеллекта и технологий распределенных реестров позволяет не только автоматизировать сбор и верификацию данных, но и встраивать принципы устойчивости в операционные процессы на качественно новом уровне. Особенно важно, что цифровизация способствует управлению ESG-рисками (коэффициент 1,58) и коррелирует с улучшением финансовых показателей (коэффициент 0,002, $p = 0,001$). При этом страны БРИКС на высшем уровне признали необходимость включения темы «цифровизация и технологии» в качестве обязательного элемента системы отчетности об устойчивом развитии [4, 5].

В-третьих, российский рынок устойчивых финансов демонстрирует уверенный рост и качественную трансформацию, несмотря на геополитические сложности и санкционное давление. Объем портфеля ESG-кредитов достиг 8 трлн рублей к середине 2025 года, что в 1,5 раза выше предыдущего годового показателя. Выпуск ESG-облигаций увеличился втрое по сравнению с 2024 годом — до 157,85 млрд рублей. Параллельно происходит сокращение числа участников ESG-индекса не в результате спада интереса, а за счет перехода от имиджевого участия к реальной интеграции ESG в операционную деятельность. Лидеры ESG-рэнкинга — «Норникель», «ФосАгро», Сбербанк, СИБУР Холдинг — демонстрируют комплексный подход, охватывающий не только экологические аспекты, но и социальную ответственность перед регионами присутствия и прозрачность корпоративного управления [7].

В-четвертых, несмотря на достигнутый прогресс, сохраняются серьезные барьеры, сдерживающие полноценную интеграцию ESG-принципов в российскую корпоративную практику: фрагментарность данных о выбросах по всей цепочке создания стоимости (особенно Scope 3 — косвенные выбросы вдоль всей цепочки создания стоимости), неопределенность регуляторной среды в части обязательных требований, ограниченный доступ к международным методологиям и рейтингам, цифровое неравенство между отраслями и регионами. Преодоление этих барьеров требует сочетания регуляторных мер (законодательное закрепление национальных стандартов нефинансовой отчетности с привязкой к кодам видов экономической деятельности), цифровых решений (создание единого контура ESG-данных с использованием технологий искусственного интеллекта и XBRL-таксономий), институциональной поддержки (развитие механизмов программно-целевого финансирования и налогового стимулирования зеленых проектов) и межрегионального сотрудничества (выравнивание цифровой зрелости ESG-инфраструктуры через федеральные субсидии и гранты) [1, 3, 4].

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать ряд рекомендаций. На национальном уровне целесообразно законодательно закрепить требования к раскрытию ESG-информации для компаний из котируемых списков первого и второго уровней, а также разработать типовые методические рекомендации для региональных и муниципальных стратегий социально-экономического развития, включающие ESG-факторы в систему оценки эффективности. На наднациональном уровне в рамках БРИКС необходимо активизировать работу по взаимному признанию «зеленых» инструментов и гармонизации подходов к цифровой отчетности, используя механизмы, уже заложенные в Декларации Рио-де-Жанейро и совмест-

ном докладе центральных банков стран БРИКС. На цифровом уровне важно продолжить развитие инфраструктуры для машиночитаемой ESG-отчетности, включая создание центров компетенций по автоматизированному сбору, валидации и анализу нефинансовой информации с привлечением лучших практик, уже апробированных НИУ ВШЭ по заказу Росприроднадзора. На уровне регионов и муниципалитетов необходимо усилить роль местных властей в формировании и реализации ESG-повестки, предоставив им более широкие полномочия в части приграничного сотрудничества и мониторинга социально-экологических последствий деятельности крупных предприятий [2].

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ подходов к цифровой трансформации ESG-стратегий в России и странах БРИКС показывает, что, несмотря на различия в регуляторных подходах и степени зрелости ESG-практик, все страны объединены пониманием того, что будущее устойчивого развития неразрывно связано с цифровизацией и с формированием единых, прозрачных и сопоставимых массивов данных. Дальнейшее развитие будет определяться способностью сочетать национальную специфику с гармонизацией подходов на международном уровне, создавая тем самым основу для устойчивого, инклюзивного и технологического экономического роста на пространстве БРИКС. Только сочетание технологического суверенитета в сборе и обработке данных, адресной финансовой поддержки «зеленой» модернизации и общественного контроля способно превратить российскую модель ESG-трансформации из набора разрозненных практик в системный фактор долгосрочной конкурентоспособности как на национальном, так и на глобальном уровне.

Литература

1. Азжеурова К.Е., Соловьева Н.Е. Ключевые индикаторы устойчивого инвестиционного развития приграничных регионов // Экономика. Информатика. 2025. Т. 52, № 2. С. 243-254. DOI: 10.52575/2687-0932-2025-52-2-243-254 EDN: AYDDWZ.
2. Калугин А.М. Многостороннее сотрудничество в евразийском кластере: кейс «Тюменская область - Северный Казахстан» // Межрегиональные и межгородские связи на евразийском пространстве в условиях системных изменений мирового порядка: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Тюмень, 2025. С. 78-92.
3. Соболев В.О. Некоторые аспекты развития экономики приграничной территории Белгородской области // Научный результат. Экономические исследования. 2025. Т. 11, № 2. С. 86-92. DOI: 10.18413/2409-1634-2025-11-2-0-7 EDN: QSTGNO.
4. Сутырин В.В., Смирнов В.А. Евразийский интеграционный проект России: перспективы симметричной модели развития // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 12. С. 122-134. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-12-122-134 EDN: BWALFJ.
5. Фролов Ю.С., Чагаева Л.Ю. Экономическое неравенство и цифровой разрыв: региональные кейсы стран БРИКС // Проблемы развития современного общества: Сборник научных статей 11-й Всероссийской национальной научно-практической конференции. В 4-х томах, Курск, 19-20 января 2026 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2026. С. 378-381. EDN: LBSTDB.
6. Халадов Х.А.С., Бугайчук Т.В., Медведева Т.Ю., Вотинцев А.В. Ценностно-мотивационная сфера студентов - будущих педагогов и воспитательная среда вуза // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13, № 4 (53). DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-4-1 EDN: MKCZCW.
7. Юник А.В. Факторы и барьеры технологического развития химической промышленности России: системная классификация и влияние на конкурентоспособность // Russian Journal of Management. 2025. Т. 13, № 12. С. 84-104. DOI: 10.29039/2409-6024-2025-13-12-84-104 EDN: TSIAKN.